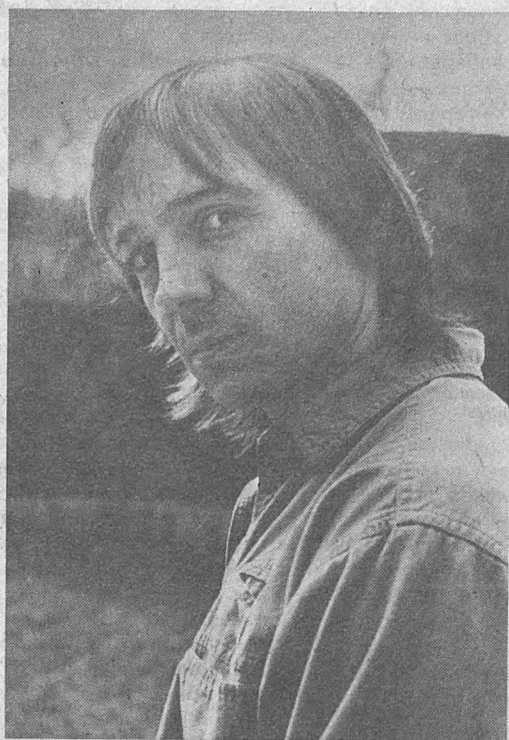

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

В ярком желто-красном костюме, в огромной шляпе с пером, со шпагой наперевес, Строфарель Денисова буквально «взрывает» новый спектакль Московского тюза «Романтики». Он не знает ни минуты покоя. Умудряется быть одновременно и тут, и там, произнося монолог, успеваешь попутно дать пинка зазевавшемуся герою. Он разрабатывает планы — один, другой, неутомимо фехтует, интригует. Зрители с восторгом встречают каждую его реплику. Денисов несет ощущение праздника, фейерверка, карнавала. Я бы назвала его игру — ликующей.

Николай Денисов:

И тогда я прыгнул с парашютом

— Пьеса Э. Ростана была любима мною давно. Строфарель — он мой, со всеми повадками, темпераментом. Сначала было все не так гладко, я на этом спектакле голос сорвал. И сейчас так дорожу этой ролью, что перед каждым выходом молюсь: хоть бы ничего не случилось!

— Я совсем недавно увидела вашего Горацио в театре Трушкина, в «Гамлете». Там он мало говорит и двигается, все — глубоко внутри. А Строфарель безостановочно сыплет фразами, почти что стоит на голове. Какая из этих ролей отнимает больше сил?

— В общем-то, после любого спектакля устаешь, но если есть успех, то усталость «положительная». После Строфареля у меня, как после сауны, усталость облегчения.

— Вы прошли довольно удачный путь, много снимались, играли в театре. И вдруг наступила пауза. Не спрашиваю, почему вы не снимаетесь, — сейчас такое положение у многих актеров, мне хотелось бы знать, как вы справляетесь с простоем?

— Я прошел «медные трубы» спокойно (у меня они были не очень громкие, но были), судьба преподнесла мне огромный подарок, уберегла от зазнайства. Поэтому на высоты я не забирался, оттуда было бы больно падать. Но все же, когда пауза только наступила, мне стало как-то не по себе. Изменился ритм, появилась пустота, стали исчезать друзья. Одиночество — штука очень жесткая. Чем вакуум заполнить? Я решил, что мне непременно нужно прыгнуть с парашютом! И я прыгнул, в своем-то довольно солидном возрасте. Первый прыжок никогда не забуду! Мгновение — и нет опоры под ногами, летишь, захлебываясь воздухом. Непредставимое ощущение полной свободы! Потом рывок — и над тобой огромный купол, и ты уже подвешен и беспомощен, как котенок, целиком зависишь от легкого, шелестящего на ветру шелка.

— Почему все же с парашютом! Для встряски и новых впечатлений можно прыгнуть, например, в прорубь.

— Ну это не встряска, а обычное любимое занятие зимой. А летом люблю плавать с аквалангом, как-то даже своеобразный рекорд поставил — три минуты пробыл под водой без него.

— Можете, вы еще и обладатель черного пояса?

— Чего нет, того нет. Правда, я занимался у-шу. Умею крутить лом. В Германии окончил школу тайчи.

— А в Германии вы как оказались?

— Поехал по приглашению. Режиссер Роман Козак ставил в Вильгельмсхафене Шекспира «Мера за меру», я занимался с актерами сценическим движением. Один немецкий профессор предложил мне комнату на его вилле. Я пробыл там четыре месяца, больше не смог, здесь теплее. Мы все советские, теперь уже русские актеры — одна большая семья. Мы работаем в разных коллективах, встречаемся на съемках или в тех театрах, где набирают по контракту, но мы знаем друг друга со студенческой скамьи, знаем, кто на что способен. Мы привыкли жить по принципу «не имей сто рублей, а имей сто друзей», нам тяжело приспособиваться к новым рыночным отношениям.

Сейчас у одних миллионы, другие экономят, отказывая себе во всем. Я часто возвращаюсь домой поздно. Вижу город, злые, уставшие лица. Раньше никогда не видел таких, они появляются из темноты, как зомби.

— Николай, как вы думаете, почему в американском кинематографе распространен тип героя оптимистического склада, которому все нипочем? Может, такой и в наших условиях не растерялся бы?

— У нас были другие идеалы. Свои герои — войны, труда, сильные духом, а не телом. Да и с чем нам было бороться? У нас не было открытых негодяев, нагло врывающихся в дома, грабящих банки. Наш кинематограф был намного лучше, разнообразнее, добрее. Я сначала очень поддерживал все перемены, но оказался обманутым, как и многие другие.

— Что за мрачный взгляд! Вы так бодры, спортивны и еще молоды.

— Как-то у меня был разговор с одним парапсихологом о возрасте. Я думал, что ему лет 50—55, оказалось, за 70. Но на мои восторженные комплименты он грустно ответил: «Вы думаете, это большое счастье? Я просыпаюсь внутренне молодым и пока я одеваюсь, ем, мне требуются усилия, чтобы войти в свой возраст». Я удивился: «Зачем же в него входить?». «Люди не поймут. И не простят, что я, старик, так выгляжу. Вас ждет то же самое, у вас такая внешность, что вы будете долго «в мальчишках».

Тогда я не придавал значения его словам, а сейчас, когда я общаюсь на равных с 20-летними (а у меня самого дочь на третьем курсе), то кожей чувствую неодобрение окружающих. Мне, по их понятиям, давно нужно было солидным дядей.

— Николай, говорят, что вы — человек конфликтный!

— Не то, чтобы я специально ищу ссор, но всегда в них попадаю. И что удивительно, ведь знаю заранее, как надо поступить, где промолчать. Ан нет, получается, что мне больше всех нужно. Я даже со зрителями ссорюсь. Ведь наш «юный зритель» не всегда достоин умиления: ах, какие молодцы, к искусству тянутся! В массе своей — это тяжелый зритель. Есть, конечно, и очень благодарный. (И трогательный! На спектакле «Д'Артаньян и три мушкетера» у каждого из этой четверки было по несколько поклонниц. И однажды девочка преподнесла цветы мушкетеру, а он отдал их актрисе. Что тут началось! Девочка в слезы, ее успокаивают. Оказалось, что в цветах была записка и крестик, который она сама смастерила. Цветы вернули артисту, а нам строго-настроено запретили передавать подарки). Но типичная публика приходит в Тюз целым классом. Галдя, рассаживаются, жуют, переключаются. Завоевать их внимание сложно, может пройти треть действия.

Однажды на спектакле «Рюи Блаз», где я играл заглавную роль, был такой шум, что в сцене объяснения в любви я сам себя не слышал. Тогда мы с партнершей просто ушли со сцены. Занавес закрыли, зал притих, педагоги засуетились. После взаимных извинений спектакль был продолжен, но мне объявили выговор. Я до сих пор считаю, что поступил правильно. Работать, когда зрители сознательно издеваются, — увольте!

— Но между тем вы как пришли в Тюз, так здесь и работаете вот уже 16 лет.

— Меня друзья часто спрашивают, почему не уйду. А куда? Я здесь столько ролей переиграл, что ни в каком другом театре за всю жизнь не наберется.

— И еще нереализованная энергия осталась...

— Да! Когда-то я очень хотел поставить спектакль, чтоб в нем все двигалось, пело, плясало. Хотел натянуть канат от балкона к сцене и ходить по нему. Крутить сальто, делать кульбиты, драться на шпагах. Сейчас хочу снять фильм. И подготовить моноспектакль.

Ну что же? Роль в «Романтиках», с которой мы начали рассказ, отчасти дает ему возможность воплотить мечты. Строфарель только что по канату не ходит. А то, что осталось невоплощенным, сбудется потом. Упорства и таланта Денисову хватит.

Татьяна ПЕТРЕНКО.

● Николай Денисов (в центре) в роли Строфареля в спектакле «Романтики».

